

В.Е. Рубаник

ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУДЕ И ПРАВОСУДИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ЕВРОПА И РУСЬ

***Аннотация.** В статье исследуются общие представления о суде и правосудии, складывавшиеся в Европе и на Руси в Средние века. Обосновываются тезисы о том, что в индивидуализировавшейся Западной Европе и в общинно-патриархальной восточнославянской Руси объективно складывались существенно различившиеся по форме и содержанию системы властвования, правового регулирования общественных отношений, суда и правосудия, влияние чего продолжает сохранять своё значение до настоящего времени.*

***Ключевые слова:** сравнительное правоведение, Средние века, средневековая Европа, средневековая Русь, история суда, судебная деятельность, западная традиция суда, восточнославянская традиция суда, государственный суд, судебная власть.*

Едва ли ещё найдется в европейской истории период, в котором с такой отчётливостью можно было бы проследить взаимосвязь между экономическими успехами и развитием юриспруденции, в т.ч. судебной деятельности, как в Средние века. Для обеспечения пусть даже скудной и убогой социальной защиты граждан в период дезорганизации центральной государственной власти и почти тотального распада всех сфер жизнедеятельности общества необходимо было срочно сформировать общественно-правовую систему, которая могла бы обслуживать, в первую очередь, властные структуры с их огромными поместьями. С юридической точки зрения это означало: то, что раньше понималось как публичное право вместе с его целями и задачами, теперь должно вылиться в систему частного права. Землевладельцы-феодалы одновременно были и военачальниками своих вассалов, заведовали административным аппаратом своих ленов, вершили суд и расправу над подданными, совершенно не придерживаясь никаких предписаний публичных правовых норм, а творя его по своему собственному разумению с позиций частного права, т.е. с позиций защиты интересов клана военачальников и его земельной собственности.

С началом развития такой системы возникла необходимость в глубоких преобразованиях в области регулирования прав и обязанностей, вытекавших из самого факта владения земельной собственностью на различных уровнях феодальной иерархической лестницы. Необходимы были также и соответствующие правила решения спорных вопросов, ущемлявших частноправовые интересы феодалов. Поэтому феодальная система и развилась в общественно-правовую систему. Необходимость в создании правовых норм для обслуживания этой системы привела, в свою очередь, к созданию так называемого феодального ленного права, т.е. правовой

нормы, бравшей под защиту права феодала на владение леном¹. Эти источники имели исключительно большое значение в тех частях Европы, где феодальная система уже набрала силу и находилась в полном расцвете, в частности, в Германии, Франции, Англии, Италии и Испании.

Э. Аннерс замечал, что расхождения во взглядах между представителями различных самостоятельных судебных инстанций в рамках феодальной системы естественно привели к значительным расхождениям в вопросах формирования правовых норм. Государственные центральные органы, императоры и короли в период расцвета Средневековья, как правило, были ещё слабы и поэтому не могли проводить политику в области создания государственных законодательств общего характера. Они обычно не могли достигнуть большего, чем создания специальных правовых предписаний в особо важных областях, в которых потребность в них была особенно велика, например, предписаний в форме «статутов мира» между гражданами, направленных на обуздание грубого насилия, процветавшего в тот период во всех районах Европы. Лишь в эпоху позднего Средневековья и Ренессанса впервые вновь появилась возможность консолидации властных структур, оказавшихся к этому периоду достаточно сильными для того, чтобы вступить в открытую борьбу за власть против крупных феодалов-землевладельцев, которая отразилась на всей внутренней политике государства, на развитии государственного права и судебной деятельности в XVI и XVII вв.²

¹ Поэтому в Германии традиционным стало деление права на земское (право земли, территории – Landrecht) и ленное (Lehnrecht). Помимо этого действовали также городское право и каноническое право.

² Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 144–145.

На базе римских и германских институтов развилось к этому времени окончательно оформившееся рыцарское сословие, в экономическом отношении опиравшееся на аллодиальную и условную земельную собственность (лены) и рассматривавшее войну как свою основную профессию. Идеал рыцарей — рыцарь-христианин — представлял собой неразрывную связь между, с одной стороны, внушенными христианской верой идеями о долге защищать слабых и бескорыстном служении благу и, с другой стороны, идеями, взращенными на представлениях древних германцев о мужской чести и военном счастье.

Рыцарское понимание этики, по всей вероятности, оказало большое влияние на убеждения и взгляды государственных деятелей и должностных лиц судебных инстанций, которые по своему призванию и долгу были обязаны служить на пользу всеобщего блага, что, в конечном счёте, явилось предпосылкой для достижения большей эффективности в функционировании европейского аппарата власти, в т.ч. и её судебной составляющей.

Важнейшим условием формирования судебной системы средневековой Европы выступало церковное влияние. В Позднеантичную эпоху и эпоху Великого переселения народов церковь обладала неслыханно высокой духовной, а позже — экономической, политической и правовой властью. В силу этих обстоятельств, а также благодаря тому, что церковь фактически играла монопольную роль в области высшего образования, духовенство наряду с дворянством заняло господствующее положение в обществе. Именно поэтому правовая система католической церкви, каноническое право и церковный суд стали играть существенную роль и в западноевропейском обществе в целом. По замечанию Д.Д. Борового, особенностью канонических норм является их «адаптивность в процессе социального регулирования, что обусловлено неизменностью принципов и спецификой применяющихся методов», а также «возможность их применения в случаях недостаточности государственно-правового регулирования»³. Ещё одной особенностью выступает то, что регулятивное действие канонического (церковного) права основано на сбалансированном применении религиозных норм как императивного, так и диспозитивного характера⁴.

В больших городах, освободившихся от феодалов (это освобождение на протяжении почти целого сто-

летия нередко сопровождалось жестокими схватками), на сцене общественной жизни появилась новая состоятельная, по положению ведущая сила в лице буржуазии. По отношению к строгим феодальным порядкам в провинциях и крепостному праву стало действовать правило: «городской воздух даёт свободу». Это, в частности, означало, что гражданин, в своё время доверивший судьбу феодалу, проживший в городе в течение одного года, должен рассматриваться городскими властями в качестве свободного гражданина⁵.

Однако дворянство, духовенство и буржуазия представляли собой привилегированные классы общества, поэтому принцип равенства представителей буржуазного класса перед законом для них не существовал и не имел к ним никакого отношения, так как, по их убеждению, общество, в котором именно имущественное состояние каждого его члена определяло правовое положение хозяина в иерархической социальной пирамиде, говорило само за себя: право писано не для него. Вместо права буржуазия использовала совершенно иной принцип, а именно: каждый может быть судим только им подобным. Церкви, тем не менее, всё же со временем удалось взломать эту систему взглядов на право, поскольку правосудие и правовая система церкви к тому времени уже успели проникнуть в некоторые области правовых отношений, имевших прямую связь с имущественным положением граждан, прежде всего, в те области, которые относились к семейному праву и, что наиболее важно, в область уголовного права⁶.

Большое значение для развития системы судопроизводства имело то обстоятельство, что наиболее сильно выраженная привязанность членов упомянутых выше трёх привилегированных сословий общества проявлялась к представителям своего сословия, жившим в других странах, а не к тем, которые жили в одной с ними стране, но не принадлежали к одному с ними сословию. Стремление католической церкви создать некое универсальное государство в Европе, управляемое католической церковью, окончилось явной неудачей. Католическая церковь в период процветания европейского общества (пусть даже социально расслоённого) в эпоху расцвета Средневековья сумела всё же внушить гражданам чувство интернационального духовного единства. Этому явлению способствовала торговля, всё более приобретающая международный характер.

В северных странах и некоторых провинциях Швейцарии, Англии и Германии крестьянство играло подчиненную роль, что объясняется его малочисленно-

³ Боровой Д.Д. Каноническое (церковное) право как нормативная система социально-правового регулирования: автореферат диссертации кандидата юридических наук. [12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений]. Ставрополь, 2004. С. 7–8.

⁴ Антоненко Т.А. Религиозные нормы и право // Юридический вестник. М., 1999. № 4. С. 19–29.

⁵ Аннерс Э. Указ. соч. – [См.: <http://lawdiss.org.ua/books/a1544.doc.html>. – 12.04.2012].

⁶ Джероза Л. Каноническое право в Католической Церкви. М., 1996. С. 71–72.

стью. В остальном класс земледельцев эпохи Средневековья состоял из людей, единственным богатством которых была разве что собственная жизнь, а сами они были опутаны жесткой системой социального давления. Однако жизнь средневекового крестьянина, хоть и ненамного, но всё равно была лучше, чем жизнь раба античного мира, где на рабов смотрели как на движимую собственность (по выражению Гая, рабы относились к категории «*res se movertes*» — «вещи, которые могут двигаться сами»), либо как на «говорящее орудие» — «*instrumentum vocale*».

Европейский крестьянин всю свою жизнь был обязан трудиться под строгим надзором своего хозяина, проявляя при этом полное послушание. Что касается хозяина, то он, со своей стороны, должен был защищать своего работника и заботиться о нём. При этом работник имел ограниченную свободу передвижения; у него не было даже права на личную, семейную жизнь. Положение крестьян, по-видимому, в различное время было разным, и личные качества хозяина также, вероятно, играли весьма существенную роль в его отношении к своему работнику.

Идеи о наибольшей защищённости работника, его жизни и прав исходили от церкви, от её христианского требования смотреть на хозяина как на своего брата, поскольку оба они, хозяин и работник — дети Бога, одного из которых, хозяина, Бог награждал властью как раз для того, чтобы он мог проявлять заботу о своем слабом брате и, таким образом, нести полную ответственность за его жизнь и личное спасение от бед. Такое деятельное участие церкви в жизни средневекового европейца обусловило возрастание её авторитета.

Ещё одна особенность складывания взглядов на суд и правосудие в Европе Средних веков состоит в своеобразии социально-политической и государственно-правовой жизни европейского Средневековья, обусловленном борьбой между двумя силами — папской и императорской властями, которая в результате Авиньонского пленения пап (1309-1377 гг.) окончилась поражением церкви.

Политической теорией, на которую опиралась церковь в борьбе с императором, была т.н. «доктрина обоюдоострого меча», разработанная папой Геласием II во второй половине V в. и содержавшая резкое противопоставление компетенций церкви и государства: в соответствии с ней Император был представителем мирского меча, а Папа наделялся законодательной властью церковного меча. Эта дуалистическая конструкция власти была сформулирована, прежде всего, с целью защитить церковь от влияния императора, который не только предъявлял требования быть высшим государственным авторитетом, но и, подобно языческим римским императорам, считал себя также главой религиозного культа.

Геласий объяснил, что император — сын Церкви, а не её властитель. Бог дал епископам и священникам право управлять религиозными делами. Император сам получил свой авторитет от Бога и не мог поэтому поступать вопреки установленному Богом порядку. Христос как единственно истинный и абсолютный император и пастырь в своей личности соединил оба меча. Поскольку в то же время он знал и слабости человеческого рода, он решил разделить право на власть. Император получил мирской меч с правом быть судьёй во всех вопросах, касающихся земной жизни. Чтобы достичь вечной жизни, он должен был всё же подчиняться Папе, который церковным мечом осуществлял абсолютную власть над церковной организацией. Таким образом, согласно Геласию, миром управляли две власти, каждая из которых неограниченно господствовала в области своей компетенции.

Геласианская доктрина развивалась в IX-X вв. и стала теоретической базой стремления церкви к мировому господству Папы. Именно на её основе и особенно на папской политике силы сформировались авторитет и значение канонического права в период Позднего средневековья. Влияние католической церкви после большой схизмы с греко-православной церковью в 1050 г. ограничивалось, однако, пределами Западной Европы. Причины разрыва коренились, естественно, в политике силы, но официальным поводом послужило основополагающее различие в трактовке понятия Божественной Троицы.

Временному усилению королевской власти способствовала деятельность Оттона I (936-973 гг.). В своей борьбе с герцогами он пытался опереться на церковное землевладение и церковные учреждения. Мероприятия Оттона Первого в отношении местной церкви получили название «оттоновских привилегий». Оттон I ограничил права герцогов в отношении церкви; частично передал герцогские функции епископам; за счёт передачи под управление епископов герцогских земель или их частей создал в областях независимые, обладающие иммунитетом, епископские территории; духовные феодалы были подчинены исключительно королевской власти.

Верховенство короля в церковных делах обеспечивалось тем, что у прелатов отсутствовали наследственные права на земли, а также практикой королевской инвеституры — представлением духовного сана светской властью. «Епископальная система» Оттона I позволила ему произвольно назначать епископов, замещать епископские кафедры, пользоваться частью доходов с церковных земель. Эти доходы составляли материальную основу относительно сильной королевской власти, равно как и доходы от других исключительно королевских регалий, главной из которых было право

на осуществление высшего суда. Германский король «творил справедливость», издавал имперские законы и даже церковные каноны.

Епископальная политика Оттона I нашла своё логическое завершение в захвате Рима как центра католической церкви. Используя феодальные распри в Италии, Оттон I в 962 г. короновался в Риме императором. Этот акт должен был означать восстановление распавшейся империи Карла Великого и символизировать преемственность короны германских королей от римских цезарей. При короновании Оттон I признал притязания папы на светские владения в Италии, но с сохранением суверенитета императора над ними. Кроме того, от римского папы требовалось принятие вассальной присяги императору. С Оттона I императоры Священной Римской империи германской нации стали распоряжаться церковными кафедрами в Италии, низлагать и возводить на престол пап, контролировать их избрание.

Распространение канонического права, которое в своей основе было правом управления, привело к тому, что церковная собственность стала несравненно лучше администрированной и в связи с этим более экономически полезной, чем соответствующие ресурсы мирских властей имущих. Кроме того, церковь получила большое богатство благодаря добровольным пожертвованиям путем развития институтов завещания и дарения в соответствии со своими возможностями оказывать религиозное давление. При этом использовалась искусно выработанная юридическая техника, которая в большой степени развивала право завещания. Эта техника была направлена на то, чтобы преобразовать римское право завещания в соответствии с церковными интересами. Поэтому были ослаблены строгие формальные требования, которые предъявлялись в римском праве: чтобы завещание имело силу, оно должно было быть составленным только в присутствии приходского священника, нотариуса или двух свидетелей. В новых условиях только подписанное завещателем завещание имело силу даже без соблюдения формальных требований.

Особое значение приобрело преобразование церковью установленного Юстинианом соотношения законной доли прямых наследников к законной доле братьев и сестер отца ($\frac{1}{2}$ к $\frac{1}{4}$) с выделением законной доли Христа, т.е. самой церкви. Христос, таким образом, должен был указываться как наследник в каждом завещании. Этот принцип восходит к отцу церкви Августину, учившему, что Христос должен по каждому завещанию получать свою долю в размере доли детей. В Декрете Грациана, который передает проповедь Августина, это звучит так: «тот, кто имеет сына, указывает Христа как второго, кто двух, — как третьего; тот, у кого 10 сыновей, — как одиннадцатого».

Эти правила встречаются во многих западноевропейских правовых источниках. То, что они обеспечивали выгоду церкви, — самоочевидно. Во многих источниках, однако, встречаются свидетельства тому, насколько сильным может быть противоречие между мирскими интересами и церковными требованиями. Церковь нередко свободно использовала свою религиозную силу, чтобы выжать дары и завещание. Яркий пример — несколько тенденциозный правовой источник эпохи Карла Великого, который содержит жалобы на то, что угрозами вечного Суда и обещаниями блаженства церковь отбирает собственность у больных и бедных и лишает наследства их законных наследников, так что они из-за бедности становятся преступниками.

Основополагающим вкладом в церковную политику силы, многосторонне представленную в каноническом праве, является борьба церкви за такую социальную структуру общества, в которой бы семья, а не род стала первичной социальной группой. Это было абсолютно необходимо, если церковь хотела иметь возможность создавать Царство Божие на земле, в котором бы все люди считали себя братьями и сестрами под властью Отца Небесного. В родовом обществе для такого отношения к ближним не было социально-психологической основы. В качестве первого звена в этой политике пришлось ввести правила celibата для духовенства. Это выводило духовенство из сферы общих родовых и в целом мирских интересов и превращало его в послушный и находящийся под железным правовым контролем инструмент в высочайшей руке церковного руководства.

Другим звеном в этой социальной структурной политике были суровые меры наказания, которыми карались сексуальные отношения вне брака. Церковь создала здесь систему нарушения нравственности, которая более 500 лет играла большую роль в законодательстве и судебной практике и в значительной степени формировала сексуальные представления и модель поведения людей. С этой же целью церковь осуществляла широкий контроль над брачным правом.

Ещё одной мерой насилия стало вмешательство в светское правосудие, осуществлявшееся церковью со ссылкой на морально-теологические принципы: соглашения, скреплённые клятвой, судебные дела о ростовщичестве и ренте (рента была также запрещена каноническим правом) и т.д. слушались церковным судом, даже если стороны или привлечённые к ответственности не принадлежали духовенству, и дело, таким образом, было целиком подсудно церкви.

Характерный для канонических процессов до мелочей регламентированный порядок инстанций и высоко развитая процессуальная техника уже в XIII в. обеспечивали большую правовую защищенность, чем

светские суды. Канонический гражданский процесс признавал только письменный документ как исходный пункт для открытия дела: «того, чего нет в документах, не существует вообще».

Право сторон быть представленными на церковном суде доверенными лицами обусловило высокую оценку канонического права со стороны торговцев, которые часто не имели возможности лично явиться в суд. Кроме того, канонические процессы оказались дешевле, так как судебные издержки покрывала, как правило, проигравшая сторона.

В области уголовного права папа Иннокентий III (1198-1216 гг.) ввёл на IV Латеранском соборе (1215 г.) инквизицию основным принципом процессуальной техники. Это означало, что суд по обязанности с помощью предъявленных доказательств должен был устанавливать истину. Обвинение поручалось особому человеку — обвинителю. В качестве основания для обвинения было достаточно слуха о совершенном преступлении. В этом случае судья должен был по долгу службы организовать следствие.

Процесс складывался из трёх следующих друг за другом частей. Благодаря такому преобразованию ведения процесса для доказательства виновности или невиновности ответчика перестали применяться показания свидетелей под присягой. На упомянутом Латеранском соборе было также установлено, чтобы церковь не участвовала в ордалиях. Доказательство должно было основываться на рациональных научных методах, среди которых центральное место занял допрос свидетелей. Решающее значение придавалось собственному заявлению и признанию ответчика.

Одной из мер наказания, часто применяемых церковным судом, был т.н. *интердикт*. Это наказание могло выноситься церковной общине как таковой и означало запрещение богослужения или лишение священника права осуществления таинств или похорон в наказанном приходе. Интердикт мог также быть направлен против отдельного человека, который вследствие этого терял значительную часть своих юридических прав, в том числе право носить оружие. Последнее было особенно тяжёлым лишением для наказанного.

Более суровая мера заключалась в отлучении от церкви, что представляло собой своего рода религиозное изгнание. Отлучённый оказывался за пределами церковной общины. Если он умирал в таком состоянии, то оставался вечно осуждённым. Отлучение от церкви стало весьма эффективным политическим оружием, которое церковь с большим успехом использовала в своих конфликтах со светской властью.

Относительно вопроса о наличии либо же отсутствии инквизиции в России в научной литературе продолжается дискуссия, начавшаяся ещё до революции.

С.О. Шаляпин в этой связи замечает, что «Изучение проявлений регулятивной роли религии и церкви в общественной жизни феодальной России сопряжено с необходимостью адекватной оценки правовой роли отдельных церковных институтов. Подобная оценка на- сущно необходима, когда исследователи затрагивают проблему церковного суда и церковных наказаний. Детальное изучение этих исторических явлений создает соблазн сравнения отечественной церковной пенитенциарной практики с западноевропейской инквизиционной системой»⁷.

По мнению большинства исследователей, именно ужасы средневековой инквизиции явились одним из факторов, предопределивших успех реформационных движений, с одной стороны, и секуляризации европейского права — с другой. В тех же случаях, когда обсуждается проблема присутствия инквизиционного элемента в православии, ни о каком единстве научного взгляда нет и речи, что актуализирует необходимость историко-правового исследования проблемы «русской инквизиции». Ещё в XIX столетии некоторые отечественные исследователи сделали общий вывод о присутствии инквизиционных черт в деятельности средневековой русской церкви. Это мнение высказал, в частности, В.С. Соловьев. На страницах «Московских ведомостей» между ним и группой философов и историков велась полемика относительно первенства западного или восточного христианства в создании инквизиционных институтов. Характерно, что обе полемизирующие стороны не сомневались в самом факте существования православной инквизиции, а полемизировали лишь о степени ее развитости в те или иные эпохи. Тема получила продолжение в связи с дискуссией о наличии в России института инквизиции и о том, не является ли монастырская ссылка ее проявлением⁸. Часть историков рассматривала инквизицию как средство укрепления православной веры, а монастырскую ссылку — как форму борьбы с религиозными противниками. Н.И. Барсов отрицал существование в России института инквизиции в силу того, что борьба церкви против еретиков велась непоследовательно, и относил монастырскую ссылку к исправительному наказанию⁹. Такой же точки зрения придерживался и М.И. Горчаков. В статье «Инквизиция восточной церкви» он доказывал, что наличие особого религиозного трибунала больше

⁷ Шаляпин С.О. Проблема «русской инквизиции» в отечественной историко-правовой науке // История государства и права. 2003. №4. С. 29–32.

⁸ Миллер О.Ф. Инквизиторские вожделения ученого // Заря. Кн. 10. 1870. С. 298; Барсов Н.И. Существовала ли в России инквизиция? СПб., 1892; и др.

⁹ Барсов Н.И. Существовала ли в России инквизиция? СПб., 1892. С. 4–9.

характерно для католической церкви, которая в своем арсенале имела разработанную систему пытки еретиков, в то время как судебная и пенитенциарная деятельность православной церкви далеки от инквизиционных традиций¹⁰. Другая группа исследователей рассматривала заключение в монастырь как часть сугубо карательной политики Русского государства¹¹, не отличая монастырское покаяние и тюремное заключение¹².

Вновь эта проблема начала активно обсуждаться в отечественной исторической литературе в конце 1920-х — в 1930-х гг. Отчасти причиной оживления интереса к «русской инквизиции» явился определённый идеологический заказ на исторические исследования атеистической направленности. Но вместе с тем этому способствовали и объективные причины — начавшееся глубокое изучение еретических движений XV–XVI вв., давшее богатый материал по истории гонений на русских еретиков. В конце 1920-х гг. вышла в свет книга Е.Ф. Грекулова «Из истории святой инквизиции в России»¹³, автор которой признаётся, что не встречал книг по истории «русской инквизиции», и один из старых библиографов Библиотеки имени Ленина дал ему официальную справку, «что в России инквизиции не существовало». Однако Е. Грекулов, попытавшись свести в своей книге все известные ему факты участия церкви в карательно-судебных мероприятиях, доказывал, что инквизиционные институты существовали в России. Труд Е. Грекулова всё же не слишком уверенно обосновывал теорию «русской инквизиции». Более серьёзные научные доказательства этой теории были сформулированы в статье Б.А. Рыбакова в журнале «Антирелигиозник» (1934 г.)¹⁴ и в монографии А.Д. Дмитриева¹⁵. В работе Б. Рыбакова впервые были выдвинуты тезисы, позднее активно эксплуатируемые советской атеистической литературой, об идеологическом обосновании русской инквизиционной практики Иосифом Волоцким и его сторонниками. А. Дмитриев, развивая идею Б. Рыбакова, провёл анализ текста «Просветителя» Св. Иосифа, который был объявлен «кодексом инквизиционной морали ... где так подробно была раз-

работана каноническая и юридическая теория русской инквизиции». Малокорректные сравнения «иосифлян» с орденом иезуитов, а Иосифа Волоцкого с Игнатием Лойолой, допускавшиеся отечественными учеными 1930-х гг., были подвергнуты критике в работах А.А. Зимина¹⁶.

Парадоксально, что идеи советских исследователей-атеистов 1930–1950-х гг. совпали с мнением некоторых современных религиозных авторов. Целый ряд публикаций так называемой «Православной церкви Божией Матери Державной» продолжают поднимать вопрос об инквизиционной природе учения и деятельности Иосифа Волоцкого, называемого русским Лойолой и Торквемадой¹⁷. Как показывает знакомство с ней, в такого рода литературе, как правило, не содержится сколько-нибудь серьёзных аргументов, подтверждающих идею «русской инквизиции». Известно, что никаких постоянно действующих судебно-карательных структур, или инквизиционных теорий (наподобие католической теории о возможности союза человека с дьяволом) в Московском государстве создано не было. Совершенно очевидная несхожесть практики европейской инквизиции с действиями православной церкви в судебно-правовой сфере не позволяет использовать инквизиционную терминологию применительно к русским историческим реалиям¹⁸.

Средневековое судебное разбирательство вообще было связано со сложными ритуалами, правильное исполнение которых закрепляло юридические последствия для сторон процесса, причём это касалось не только явлений религиозного характера. М.Ю. Пахалов замечает, что в отношении судопроизводства «применяя современный юридический понятийный аппарат к средневековому праву, довольно сложно отделить чисто правовые отношения от отношений, в которых действуют иные социальные регуляторы»¹⁹. Средневековое правовое общение предстает сложной многоуровневой системой, в которой иррациональное начало находится в тесной связи с реальным и прагматическим, но, как писал Н.М. Коркунов, «только изучение юридических отношений, а не толко-

¹⁰ Горчаков М.И. Инквизиция восточной церкви // Юридическая летопись. 1891. № 12. С. 491–505.

¹¹ Белинский В.Г. Сочинения. Т. 10. М., 1955. С. 21–215; Миллер О.Ф. Указ. соч. С. 298–300; Короленко В.Г. Собр. соч. Т. 9. М., 1955. С. 322–328.

¹² Православный собеседник. 1910. Кн. 4. С. 293–299.

¹³ Грекулов Е.Ф. Из истории святой инквизиции в России. М., 1930.

¹⁴ Рыбаков Б.А. Воинствующие церковники XVI в. // Антирелигиозник. 1934. № 3. С. 21–31; № 4. С. 21–31.

¹⁵ Дмитриев А.Д. Инквизиция в России. М.: ОГИЗ-Гос. антирелигиозное изд-во, 1937. 316 с.

¹⁶ Зимин А.А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1953. Т. IX. С. 163.

¹⁷ Илия (Попов), свящ., Иоанн (Береславский), архиепископ. Иосиф Волоцкий: 500 лет инквизиции в России. М., 1997; Иоанн, архиепископ. Соловецкая Голгофа. Скрытые страницы истории России. М., 2001.

¹⁸ Глухов В.А. Влияние канонического права на процесс становления и развития институтов уголовного права в русском государстве X–XVII вв. // Закон и право. М., 2008. № 3. С. 118–119.

¹⁹ Пахалов М.Ю. Ритуальность и иррациональность судебного процесса (На материалах средневековой Англии) // Государство и право. 2007. № 6. С. 114.

вание отдельных законодательных постановлений даёт обобщённое и систематическое знание права, знание научное... поэтому, если за основу изучения права принять не нормы юридические, как это бывает при толковании, а юридические отношения, то получатся более прочные и устойчивые выводы»²⁰. Следовательно, чтобы изучить средневековое правосудие в полной мере и прийти относительно него к устойчивым выводам, следует больше внимания уделить именно реальному судопроизводству, а не нормам, к нему относящимся; эти отношения необходимо рассматривать в полном объёме, с учётом всех особенностей, и особенно тех, которые характерны только для средневекового менталитета.

Средневековое судебное разбирательство производило на современников очень яркое впечатление, обладало насыщенной внешней атрибутикой. Так, в английской поэме XIV в. «*Winner and Waster*», отображающей в одном из эпизодов процедуру отправления правосудия, описывается целая процессия судей и клерков, идущих со знаменем, на котором изображены судебские головные уборы²¹. В некоторых городах начало судебных заседаний сопровождалось звуками горна или звоном колоколов²². Судьи считались «священниками закона», его хранителями и толкователями, а сам судебный процесс был чем-то сродни религиозному действу, происходившему по особым правилам, всё о которых знали только посвящённые — судьи. Следовательно, уже сам по себе, независимо от роли церкви и её институтов, суд обладал иррациональными чертами и применял свои специфические судебные ритуалы.

С одной стороны, судебный процесс, казалось бы, является чисто юридическим институтом, поскольку именно в суде применяются нормы права и устанавливается истина. Но не стоит, видимо, забывать и о том, что традиция и обычай, а также свойственные им ритуалы, во многом управляют судебным процессом, выполняя при этом не всегда только вспомогательную функцию. Норбер Рулан в этой связи замечал, что «Поскольку общество нуждается в символах, постольку оно нуждается и в ритуалах, а в символах оно нуждается потому, что тот смысл, который оно придаёт окружающему миру и жизни вообще, должен утверждаться вновь и вновь. И судебный процесс — одна из разновидностей этого утверждения»²³.

Известно, что на начальном этапе развития судопроизводства в Средние века существовала преимущественно состязательная форма процесса; дело, как правило, рассматривалось только по заявлению потерпевшего или истца. Судебный процесс начинался не по инициативе властей, а по воле индивида, — воля же сама по себе уже является преимущественно иррациональным фактором, ибо в Средние века она, по разделяемому нами замечанию И.А. Исаева, «была подкреплена ещё и верой»²⁴.

В Средние века недостаток объективной информации о тех или иных явлениях природы и закономерностях общественной жизни компенсировался разного рода представлениями о них; именно такие представления и воплощали средневековую объективную реальность. М. Блок замечал, в Средние века человек стоял намного ближе к природе, чем мы²⁵, поэтому даже для неграмотного средневекового крестьянина не существовало необъяснимого — всему находилось то или иное обоснование в мире воображаемого, в т.ч. и в сфере правосудия. Правосознание средневекового индивида находилось в строгих рамках иерархии «естественное право — человеческое (позитивное) право», при безусловном подчинении второго первому. Человеческая воля, согласно Фоме Аквинскому, может сделать правом лишь то, что соответствует естественному праву, а, принимая во внимание то, что было для средневекового мировоззрения естественной природой вещей (сочетание реального и воображаемого), именно обращение к сверхъестественному внушало уверенность в соблюдении справедливости²⁶.

Теоцентрическое мировоззрение Средневековья выступало своего рода идеологическим обоснованием института католической церкви и папства, которые, стремясь сохранить своё влияние, были заинтересованы в сепаратизме и междоусобных войнах. Поощряемая римской курией феодальная раздробленность существенно препятствовала развитию экономических отношений: «Поэтому нарождающийся класс буржуазии выступил в поддержку идей абсолютизма, сильного централизованного государства, и «...в борьбе со средневековым теократизмом на первый план культуры Ренессанса выступают гуманистические, антропоцентрические мотивы. Презрение к земному естеству заменяется признанием творческих способностей че-

²⁰ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М., 1914. С. 349–350.

²¹ Musson A. *Medieval Law in Context*. Manchester, 2001. P. 20.

²² Хряков А.В. Происхождение средневекового города: Развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы // <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1997/a076/article.shtml>. – 11.10.2007.

²³ Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000. С. 295.

²⁴ Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006. С. 169.

²⁵ Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 77.

²⁶ Оль П.А. Правопонимание Средневековья и Ренессанса: дуализм божественного и человеческого права // *История государства и права*. 2004. №3. С. 9.

ловека, разума, стремления к земному счастью»²⁷. В эпоху Ренессанса, соответственно, происходит и качественное смещение акцента в понимании феноменов «право», «государство», «суд», «судопроизводство», что было обусловлено переходом от теоцентрического к антропоцентрическому мировоззрению. По точному выражению К. Маркса, «Макиавелли, Кампанелла, а впоследствии Гоббс, Спиноза, Гуго Гроций, вплоть до Руссо, Фихте и Гегеля стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии»²⁸. Такая смена акцентов нашла своё отражение, в том числе, и в эволюционировании структуры судебной системы в странах средневековой Европы, ибо, как отмечает В.Г. Графский, в истории права все крупные перемены в области правовой традиции так или иначе были связаны с переменами в распределении власти (завоева-

ние и покорение) либо с переменами в социальном и политическом статусе держателей власти и основных групп и классов общества (элиты и масс, управляющих и подвластных). «Подобно тому, — пишет учёный, — как некоторые общечеловеческие ценности (например, стремление к миру, счастью, гармонии с окружающей природой) можно рассматривать в концептуальных рамках общей культуры, базовые ценностные установки в праве и ценности самого права можно рассматривать в качестве общих контуров правовой культуры данного общественного слоя, государственного учреждения или всего политического режима властвования»²⁹. Мы разделяем такую точку зрения. И в этом свете бытующее мнение об изначально опережающем государственно-правовом развитии Европы по сравнению с Русью представляется весьма далёким от истинного положения вещей.

Библиографический список:

1. Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.
2. Антоненко Т.А. Религиозные нормы и право // Юридический вестник. М., 1999. № 4.
3. Барсов Н.И. Существовала ли в России инквизиция? СПб., 1892.
4. Белинский В.Г. Сочинения. Т. 10. М., 1955.
5. Блок М. Феодалное общество. М., 2003.
6. Боровой Д.Д. Каноническое (церковное) право как нормативная система социально-правового регулирования: автореф. дис... канд. юрид. наук. [12.00.01 — Теория и история права и государства; история правовых учений]. Ставрополь, 2004.
7. Глухов В.А. Влияние канонического права на процесс становления и развития институтов уголовного права в русском государстве X-XVII вв. // Закон и право. М., 2008. № 3.
8. Горчаков М.И. Инквизиция восточной церкви // Юридическая летопись. 1891. № 12.
9. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996.
10. Грекулов Е.Ф. Из истории святой инквизиции в России. М., 1930.
11. Джероза Л. Каноническое право в Католической Церкви. М., 1996.
12. Дмитриев А.Д. Инквизиция в России. М., 1937.
13. Зимин А.А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1953. Т. IX.
14. Илия (Попов), свящ., Иоанн (Береславский), архиепископ. Иосиф Волоцкий: 500 лет инквизиции в России. М., 1997.
15. Иоанн, архиепископ. Соловецкая Голгофа. Сокрытые страницы истории России. М., 2001.
16. Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006.
17. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М., 1914.
18. Короленко В.Г. Собрание сочинений. Т. 9. М., 1955.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.1. М., 1968.
20. Миллер О.Ф. Инквизиторские вождения ученого // Заря. Кн. 10. 1870.
21. Оль П.А. Правопонимание Средневековья и Ренессанса: дуализм божественного и человеческого права // История государства и права. 2004. №3.
22. Пахалов М.Ю. Ритуальность и иррациональность судебного процесса (На материалах средневековой Англии) // Государство и право. 2007. № 6.

²⁷ Сус Я. Философия Ренессанса // История философии в кратком изложении. М., 1991. С. 290.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 111.

²⁹ Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 75.

23. Православный собеседник. 1910. Кн. 4.
24. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000.
25. Рыбаков Б.А. Воинствующие церковники XVI в. // Антирелигиозник. 1934. № 3, № 4.
26. Сус Я. Философия Ренессанса // История философии в кратком изложении. М., 1991.
27. Хряков А.В. Происхождение средневекового города: Развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы. — [См.: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1997/a076/article.shtml>. — 11.10.2007].
28. Шалапин С.О. Проблема «русской инквизиции» в отечественной историко-правовой науке // История государства и права. 2003. №4. С. 29-32.
29. Musson A. Medieval Law in Context. Manchester, 2001.

References (transliteration):

1. Anners E. Istoriya evropeyskogo prava. M., 1994.
2. Antonenko T.A. Religioznye normy i pravo // Yuridicheskiy vestnik. M., 1999. № 4.
3. Barsov N.I. Sushchestvovala li v Rossii inkvizitsiya? SPb., 1892.
4. Belinskiy V.G. Sochineniya. T. 10. M., 1955.
5. Blok M. Feodal'noe obshchestvo. M., 2003.
6. Borovoy D.D. Kanonicheskoe (tserkovnoe) pravo kak normativnaya sistema sotsial'no-pravovogo regulirovaniya: Avtoref. dis... k.yu.n. [12.00.01 — Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya pra-vovykh ucheniy]. Stavropol', 2004.
7. Glukhov V.A. Vliyanie kanonicheskogo prava na protsess stanovleniya i razvitiya institutov ugovol'nogo prava v russkom gosudarstve X-XVII vekov // Zakon i pravo. M., 2008. № 3.
8. Gorchakov M.I. Inkvizitsiya vostochnoy tserkvi // Yuridicheskaya letopis'. 1891. № 12.
9. Grafskiy V.G. Traditsii i obnovlenie v prave: tsennoznosnoe izmerenie peremen // Problemy tsenno-stnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovlenie. M., 1996.
10. Grekulov E.F. Iz istorii svyatoy inkvizitsii v Rossii. M., 1930.
11. Dzherozha L. Kanonicheskoe pravo v Katolicheskoy Tserkvi. M., 1996.
12. Dmitriev A.D. Inkvizitsiya v Rossii. M., 1937.
13. Zimin A.A. O politicheskoy doktrine Iosifa Volotskogo // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. M.; L., 1953. T. IX.
14. Iliya (Popov), svyashch., Ioann (Bereslavskiy), arkhiepiskop. Iosif Volotskiy: 500 let inkvizitsii v Rossii. M., 1997.
15. Ioann, arkhiepiskop. Solovetskaya Golgofa. Sokrytye stranitsy istorii Rossii. M., 2001.
16. Isaev I.A. Vlast' i zakon v kontekste irratsional'nogo. M., 2006.
17. Korkunov N.M. Lektsii po obshchey teorii prava. M., 1914.
18. Korolenko V.G. Sobranie sochineniy. T. 9. M., 1955.
19. Marks K., Engel's F. Sochineniya. T. 1. M., 1968.
20. Miller O.F. Inkvizitorskie vozhdeleniya uchenogo // Zarya. Kn. 10. 1870.
21. Ol' P.A. Pravoponimanie Srednevekov'ya i Renessansa: dualizm bozhestvennogo i chelovecheskogo prava // Istoriya gosudarstva i prava. 2004. №3.
22. Pakhalov M.Yu. Ritual'nost' i irratsional'nost' sudebnogo protsesssa (Na materialakh sredneveko-voy Anglii) // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 6.
23. Pravoslavnyy sobesednik. 1910. Кн. 4.
24. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000.
25. Рыбаков Б.А. Воинствующие церковники XVI в. // Антирелигиозник. 1934. № 3, № 4.
26. Сус Я. Философия Ренессанса // История философии в кратком изложении. М., 1991.
27. Хряков А.В. Происхождение средневекового города: Развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы. — [См.: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1997/a076/article.shtml>. — 11.10.2007].
28. Shalyapin S.O. Problema «russkoy inkvizitsii» v otechestvennoy istoriko-pravovoy nauke // Istoriya gosudarstva i prava. 2003. №4. S. 29-32.